

Сергей САМАРОВ

ЗА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСОЙ

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.
С17 **За нейтральной полосой / Сергей Самаров. —**
Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Спецназ ГРУ.
Ударная группа).

ISBN 978-5-04-090293-4

Этот белый порошок не наркотик. Это ризин, яд, от которого нет спасения. Множество пакетиков с ризином случайно обнаружили за подкладкой шубы, которую носила обыкновенная бомжиха. Вот так волею случая стало известно о готовящемся грандиозном теракте. Кто дирижирует этим преступлением? Следы ведут в Чечню, но чем больше оперативники копают это дело, тем очевиднее вырисовываются контуры могущественной террористической организации, щупальца которой расползлись по всему миру. Офицеры спецназа ГРУ бросают вызов смертоносному спруту...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090293-4

© Самаров С.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ПРОЛОГ

1

Старший прапорщик Толик Смолин, сидящий за рулем «уазика», считает, что все прочие водители должны пропускать милицейские машины и на красный сигнал, причем даже в то время, когда последние не включают «мигалку» с сиреной, чтобы предупредить о своем появлении. Просто смотреть во все глаза обаяны — не видно ли где ментовской машины... Такое мнение у Толика сложилось оттого, что он очень себя и свои погоны уважает. Давно служит, когда-то с папой-старшиной начинал, под его надежным крылышком, привык к этому своеобразному уважению, в глубине души понимая, что оно, по сути своей, может быть лишь слабым утешением, пригодным для личного пользования, но не более. Знает, что не слишком уважают его погоны другие, потому и особенно хочется уважать себя самому.

Рядом сидит Коля Рыбин, защелкивает и снова открывает наручники — временами замок заедать стало, в прошлое дежурство «окольцевали» одного азера, так пришлось тому четыре с половиной часа в наручниках провести, потому что замок открываться не хотел. На заднем сиденье ворочает толстым задом Миша Хрищенко, тяжело скрипят пружины.

Оба они тоже старшие прапорщики. Но возрастом помоложе. Этим и на уважение наплевать. Они как-то иначе живут. Коля когда-то даже на заводе работал. Сейчас посмеивается над той жизнью... Его теперь на завод венником крапивным не загонишь... А Миша вообще, кроме милиции, нигде и никогда не работал. До армии, как говорится, «дурака валял», а после армии сразу в райотдел попал. Да его и не поймешь, что он думает, чего хочет. Больше молчит — угрюмый, привычно «тормознутый». Говорит, только когда испугать кого-то хочет, и не всегда к месту. Но дубинкой хорошо орудует — обеденный стол с одного удара проламывает, за что его и ценят...

Рация трещит не умолкая. Если сквозь треск и доносятся слова, то разобрать их трудно. Идут обычные переговоры. Этим переговоров всегда ведется так много, что бывает трудно порой услышать, что обращаются именно к тебе.

— Эх, Толян, давай-ка на базарчик заскочим... — Коля вдруг стучит себя по лбу, словно с памятью у него стало туговато от трудовых бдений и он вдруг что-то важное вспомнил. И убирает наручники в чехол на пояс — совсем сломал замок и не может уже даже ключ вытащить.

— Семечек захотелось? Всю машину мне заплюешь... — усмехается Толик.

Коля вздыхает:

— Жена заколебала... Картошки ей «привези»... — В последнем слове он подражает солидному голосу жены, почти такому же ответственному, как у Миши.

С заднего сиденья привычно-похоронным голосом вещает и Миша. Его слова звучат авторитетно, как приговор верховного судьи:

— У нас не самосвал... А меньше твоей бабе до следующей смены не хватит...

Теперь Коля улыбается с искренним восхищением в глазах:

— Уж то-очно... Она у меня обширная...

— «Широка жена моя родная...» — пропевает Толик под дребезжание рации и более активное дребезжание «уазика», переезжающего, покачиваясь, как утка, через трамвайные рельсы.

Дальше, за рельсами, на перекрестке двух оживленных улиц, один угол широкого тротуара полностью отдан торговым рядам, разбегающимся в две стороны, — это и есть местный базарчик.

— Вон туда заезжай... — толстым пальцем показывает Коля. Палец заскорузлый, с потрескавшейся кожей. У Коли все пальцы такие, словно он ими каждый день в земле работает. — Через стоянку, за палатки, чтоб со стороны не увидели... А то начальство на обед покатит...

Толик молча заворачивает, проезжает автомобильную стоянку и переваливает за невысокий бордюрик, присыпанный снегом. Останавливается сразу за одним из павильончиков. Запах, который идет от пластиковых стен, наглядно свидетельствует, что здесь торгуют стиральными порошками и всякой прочей гадкой химией.

— Нормально... — Коля оборачивается в сторону дороги, словно проверяет, насколько хорошо замаскировалась машина от взглядов со стороны. Он помнит, как совсем недавно на разводе давали «крутой втык» одному из патрульных экипажей за излишнюю «любовь» к продавцам с базара.

Коля выходит первым. За ним Миша. Оба осматриваются и синхронно потягиваются. Толик наблюдает за

ловкими товарищами, что направляются к рядам, где торгуют картофелем.

Картошкой торгуют в основном пришлые — таджики — и местные — деревенские татары. Последних меньше, потому что у татар хуже покупают. Знают, что большая часть татарских и башкирских земель в области, что к северу от областного центра, радиоактивно заражена, и не все рискуют покупать картошку, не зная, откуда она. Таджики, по слухам, скупают за бесценок картошку в соседней области. Там ее много. И возят на продажу сюда. Хотя, по другим слухам, они как раз с зараженных земель и покупают.

Коля направляется к первому же попавшемуся на глаза таджику. Молодой парень, не по-зимнему чернолицый, словно с испанского курорта только что вернулся. Глаза опасно бегают — имеет опыт общения с ментами, сразу видно. Старший прапорщик его страх чувствует. И умело этим пользуется. Протягивает руку.

— Что? — спрашивает таджик, хотя хорошо знает, зачем менты приехали.

— Документы... — говорит Коля как можно более угрюмо и жалеет, что Миша такой «долгоиграющий». Произнеси это слово он со своим голосом, торговцу пришлось бы уже срочным порядком штаны менять.

Однако таджику хватает и одного вида грязно-серых мундиров, чтобы оценить ситуацию. Он вытаскивает из кармана целлофановый пакет, долго разворачивает его дрожащими пальцами.

В паспорт вложены остальные документы...

Толик наблюдает из салона машины, откровенно любуясь суровым выражением лиц своих товарищей. Миша не любит разговоров, но очень любит, может быть, больше, чем жену родимую, свою дубинку. И по-

тому постукивает ею по бедру. Это старая привычка... Одни по ладошке себя постукивают, Миша по бедру... С его ростом это получается эффектно. Беда только, когда Миша начинает злиться. Сам как-то жаловался, что вся нога после этого в синяках — никак не научится силу удара соизмерять.

Таджик, торгующий картошкой, тоже бросает время от времени взгляды на дубинку. А Коля тем временем смотрит документы, что-то спрашивает, потом документы убирает к себе в карман. Значит, начинается обыкновенная раскрутка. Оно и понятно: здесь же базар, значит, будет торговля. Молодой таджик начинает что-то объяснять, показывая пальцем...

Напарники возвращаются. Не дожидаясь, пока они сядут в машину, Толик захлопывает свою дверцу и включает двигатель. Старшие прапорщики садятся по местам. Истерично скрипит сцепление — вот же характер у железяки скрипучий!

— Кати во двор... — говорит Коля. — Вокруг соседнего дома, иначе не проехать...

— Чего сразу не взял? — интересуется Толик.

Вертеться по дворам ему тоже не хочется. Народ нынче ненадежный пошел. Любят на брата мента пожаловаться. Посмотрят в окно, наберут телефонный номер и сообщат номер машины...

— Склад у них в подвале. Здесь в мешках не осталось... Не на сиденье же у всех на глазах ссыпать...

* * *

Машина выезжает на дорогу и сворачивает во двор.

— И чего там у него с документами? Регистрацию черный, как всегда, сделать не успел?.. — Толик про-

должает расспрашивать. Он вообще человек любопытный. И мелочи любит знать. Некоторые даже запоминает, чтобы потом к месту или не к месту вставить.

— Вроде нормально все... — отмахивается Коля.

— А ты что?

— Санитарную книжку спросил...

— Ха... А она ему очень нужна?.. Картошкой же торгует... Ею бабки на каждом углу торгуют... Все без книжек...

— А хрен его знает, — пожимает Коля плечами, словно бы сам удивляется собственному поведению. — Согласился, значит, наверное, нужна...

«Уазик» въезжает во двор, делает петлю вокруг дома. Издали им машет рукой таджик, оставшийся на время без документов, поторапливает. Он прошел напрямую между домами, где нет проезда для машины, и потому опередил ментов. Сам таджик спускается в подвал, но предварительно показывает рукой, где удобнее остановиться машине. Машина подъезжает.

— Заднюю дверцу будьте-с, маму вашу, любезны... — просит довольный собой Коля.

Толику выходить не хочется — и не служебное дело, и не для себя старается, — и он просто протягивает ключи. Коля выходит из машины, и слышно, как щелкает единственный хорошо работающий в машине замок — в отделении, где возят задержанных. Дверца распаивается.

Толик смотрит вперед. Видит, как из подвала поднимается молодой таджик и тащит сетчатый мешок картошки. Обходит машину. Миша оборачивается, смотрит, как таджик с Колей пристраивают мешок. Толик за этим же смотрит в зеркало заднего вида. Дверца

хлопает. Коля возвращает таджику документы и садится на переднее сиденье:

— Поехали...

Но теперь уже сам Толик, чуть подавшись вперед и полуразвернувшись, смотрит куда-то в противоположную сторону. Коля пытается рассмотреть, что так заинтересовало водителя, тоже наклоняется вперед. Тот, оказывается, рассматривает помойку, расположенную на другой части двора.

— До чего довели народ... — оборачивается и с сочувствием говорит Толик. Голос его вдумчивый, взгляд почти умный. — Приличная дамочка... В такой шубе... В помойке копается... Смотри, смотри, как прыгает... Из контейнера в контейнер... Как белка...

— А ну-ка, — настороженно говорит вдруг Коля, — кати-ка, маму вашу, туда...

Толя и сам уже понимает — что-то в увиденном не сходится с реальностью. Газует и едет напролом, через бордюры, через низкие талые сугробы, окружающие дорогу, пересекает большой сугроб, окружающий детскую игровую площадку, и умудряется каким-то образом не раздавить собачку, гуляющую на длинном поводке с пожилой женщиной. И только около помойки резко тормозит. Машина идет по талому насту юзом, но мусорные контейнеры благополучно не таранит.

— Картошка рассыпалась, — обиженным тоном бормочет с заднего сиденья Миша, словно это его невосполнимая личная потеря.

— Пойдем глянем туда... — голос Коли устремлен вперед, как мысль спринтера, принявшего положение для низкого старта, а сам он вытягивает шею, словно охотничья собака.

— Картошка, говорю, рассыпалась, — повторяет Миша, — мешок развязался...

Но выходит следом за Колей.

В один из мусорных контейнеров свесилась, наполовину перевалившись за борт, женщина в дорогой шубе. Но, только оказавшись ближе, менты видят несоответствие. Из-под длинных пол — ярким цветком на помойке! — выглядывают драные и грязные тряпичные сапоги, подвязанные грубой бечевкой, чтобы подошвы нечаянно не потерять.

— Эй, мадам... — говорит Коля. — Чудо, маму вашу, в перьях...

«Чудо в перьях» не отвечает, занятое нелегкой поисковой работой. Миша значительно шевелит рукой и отстегивает дубинку. Для начала пару раз стучит себя по бедру. Уже более серьезно, чем стучал перед молодым таджиком. Менты, морщась от запахов, пододвигаются ближе, и Миша коротко и резко, хотя и без замаха, бьет «чудо» по тому месту пониже спины, что оказалось выше своего естественного состояния, вынужденно приподнявшись над контейнером.

«Чудо» выпрыгивает и поворачивается. Бомжиха намеревается проявить свою реакцию на удар, но, увидев ментов, сначала пугается. Лицо у нее такое, что ментам ни к чему показывать. Под обоими глазами синяки, на скуле ссадина, губа рассечена. Но испуг быстро проходит.

— Чего дрыном размахался... Больше нечем, что ли... Хриплый и сиплый, севший «одеколонный» голос.

Коля с удивлением рассматривает шубу:

— Маму вашу!.. Я как-то в магазине такую видел... Хорек... Тыщ на девяносто тянет...

— Сам ты хорек... — сипит бомжиха.

Миша тем временем достает из кармана газетку, разворачивает и протирает дубинку, словно испачкал ее об бомжиху, пусть даже сквозь дорогую шубу. Газетку аккуратно выбрасывает в мусорный контейнер.

— И где же ты такую шубу стащила? Только не говори, что на помойке нашла... — Коля сузил глаза, самому себе кажется пронизательным и хитрым.

— Моя! Наследственная... — сипит бомжиха с гордостью и задирает ободранный нос.

— Для жены бы отобрал... — говорит Коля с рачительной раздумчивостью. — Да на нее сразу три таких надо... А ну...

Он хватает бомжиху за воротник и распахивает шубу. Видно розовую шелковую подкладку, простеганную ромбиками. Еще чистую. Бомжиха просто не успела испачкать ее.

— Где стащила, мразь? — убийственно пугающе, но пока еще спокойно произносит Миша. Настал момент, когда положено прорезаться его авторитетному голосу, чтобы добиться результата. Его голос порой вполне успешно заменяет дубинку.

Бомжиха пытается вырваться, но Коля держит ее цепко: он по натуре клещ, если уж вцепится, не оторвешься. Его как-то ножом основательно полосовали, а он хватку не расцепил, тем и спасся...

— Снимай! — говорит он злобно.

— Спа-а-асите... Разде-е-евают... Гра-а-бют... Менты позорные... — вдруг орет бомжиха благим сиплым матом.

— Поехали в райотдел... — Коля за шиворот тащит бомжиху к машине. — Там тебя и разденут, и расчешут, и утешат по всем статьям...

— Сдурел? — солидно спрашивает Миша. — Она

нам всю машину завоняет... Картошку выбрасывать придется... Забрать шубу да пинка ей дать...

— Шуба наверняка в розыске. Потом придется и эту стерву по подвалам отлавливать... Поехали...

Бомжиха снова принимается орать:

— Раздева-а-ют... Убива-а-ют... Последнего имущества лишают, менты позор...

Коля упорно тащит бомжиху к машине. Толик уже открывает заднюю дверцу, и на снег скатывается несколько крупных отборных картофелин. Миша поднимает их и забрасывает под ноги бомжихе, которую уже втокнули внутрь...

* * *

Вместо одной стены в камере для задержанных обыкновенная решетка из толстых металлических прутьев. Всем входящим в райотдел милиции сразу видно, кто там сидит. Люди ходят мимо, местные сотрудники и посторонние, но не обращают внимания на плачущую бомжиху, что обхватила голову двумя руками. Заплачешь, когда такого наследства лишают... Дверь в камеру из коридора — прямо напротив комнаты дежурного.

В самой дежурной комнате капитан с пышными буденновскими усами и повязкой на рукаве держит в руках листы протокола, только что принесенные дознавателем. На спинке стула висит небрежно брошенная хорьковская шуба. Розовая подкладка светится качественным шелком.

— Оперативно мы сработали... Только час назад ориентировка по розыску пришла... Молодцы...

Усы капитана топорчатся с победоносной гордо-

стью. Перед ним стоят два старших прапорщика — Коля и Миша. Тоже довольны. Здесь же и дознаватель. Покручивает в тощих кривых пальцах авторучку. Делает это с ловкостью фокусника.

— Где эта шалава такую шубу сперла? — интересуется Коля.

— Говорит, парни подарили... Молодые, красивые, в кожаных куртках, лысые... — Дознаватель чешет ручкой затылок, но у него там лысины не предвидится — от природы волосатый, — и снова бросает взгляд на шубу. Он расстроен, что подарили бомжихе, а не его любимой жене, которая считает, что одета хуже подруг.

— Как же... Подарят... Такой раскрасавице... Как тут удержаться... — смеется Коля.

— Издевается, с-сука... — рычит Миша. — Не верит...

— Не торопитесь... В самом деле похоже на правду... Скинхеды... Есть на них заявление... Из травматологического отделения горбольницы... По городской сводке идет... Скинны двух азеров избили. С мужика дубленку сняли шестьдесят восьмого размера — пузатый, наверное, дяденька, с бабы хорьковую шубу. Мужик в реанимации... Башку ему велосипедной цепью проломили... С ним пока и не разговаривали... Его сразу на операцию... Баба до сих пор еле языком шевелит... Фоторобот скинов сделать пока не в состоянии... Так... В общих чертах сказала... У нее сотрясение сильное... И глаза синяками заплыли... Как у той вон... — кивает в сторону камеры.

— Шубу-то уж подпортила, зар-раза... — Пышноусый капитан кончиком башмака стряхивает с розового шелка подкладки шматок сырой грязи. Замирает вдруг, стоя на одной ноге. — Ну-ка... Что это?.. — наклоняет-